

В общем и целом, доктор Квинзель становился самым приятным врачом-пациентом, какие у него когда-либо были.

-Как и тебя, Харли, меня преследовал мир, который отказывается понимать меня."

Она серьезно кивнула, ее хорошенькое личико стало серьезным, и она повернулась к нему. Теперь же она оставалась в своем кресле только до тех пор, пока охранники не закрыли за собой дверь. Затем она оказалась рядом с ним, слишком очевидно дрожа от возбуждения и трепета.

-Я знаю, - сказала она. -Это то, о чем я пришел к осознанию. Должен признаться, что поначалу я тоже тебя осуждал. Но теперь я начинаю понимать. Все, через что ты прошла, как никто никогда тебя не слушал. Как же это было тяжело и одиноко, наверное, все эти годы."

-Ты так мила со мной, - промурлыкал он, и это было правдой. Она действительно была такой.

Милый, милый доктор Квинзель. Она жаждала понимания, чтобы найти кого-то, кто действительно ценил бы ее.

Это было нетрудно сделать. Он определенно ценил ее. Она делала текущую работу в Аркхеме так что гораздо веселее. И секс для школьных вещей был восхитительным поворотом, хотя он начал подозревать что-то в этом роде, особенно после небольшого откровения игры в слова. Она не знала, гордиться ей или стыдиться, и эти два чувства смешались и смутили ее. Иногда он хвалил ее находчивость. В других случаях он печально качал головой и говорил, что она могла бы сделать это, если бы только приложила усилия. Тогда она всегда выглядела подавленной, ее белокурая голова склонялась, и он улыбался про себя. Она хотела его одобрения, но наслаждалась его наказанием. Пока она росла, никто не обращал на нее достаточно внимания, чтобы отчитывать за ее оценки.

- Только так такая чувствительная душа, как ты, может выжить в этом мире, - говорила она ему. - Это если мир изменится. Вся система-это провал. Я чувствую себя так... так... - она беспомощно смотрела на свои колени, на свои скрюченные руки. "Преданный!- Наконец выпалила она. -Я имею в виду, что мы должны помогать вам, и вы знаете, что говорится в вашем файле?- Ее милое личико внезапно исказилось от разочарования. "Это невозможно вылечить!- Неисправимо!- Неизлечимо!- Я имею в виду, что это за пораженческая, безответственная, неэтичная позиция! Они даже не пытаются это сделать. Все, что они делают, это запирают вас здесь и подвергают еще большим мучениям и оскорблениям - решение пластыря, обреченное на неудачу!"

На ее праведное негодование было восхитительно весело смотреть. Он сделал мысленную пометку попросить ее принести его досье на следующий сеанс. Он хотел посмотреть, оправдает ли это его ожидания.

Он повернулся к ней и, преодолев небольшое расстояние между ними, взял обе ее руки в свои и с удивлением посмотрел на ее обожающее лицо.

-Я не могу поверить, что наконец-то встретила кого-то, кто понимает!- Он пришел в восторг, и она просияла.

-Я тебя реабилитирую, - серьезно сказала она. - Я тебе обещаю. Вместе мы можем работать над интеграцией вашего уникального видения и гения в полноценный, хорошо налаженный образ жизни.- Ее зубы сверкнули в слабом свете ламп над ними, а щеки покраснели так же, как и стена.

Он немного откинулся назад, позволив своему лицу принять выражение замешательства и обиды.

-Ты хочешь изменить меня?- Спросил он обиженным голосом.

Она быстро наклонилась вперед, чтобы успокоить его, и крепче сжала его руки. Она была сильнее, чем обычная женщина – гимнастка, конечно, – но все же ее руки казались хрупкими и хрупкими в его руках.

"Нет-нет.-Сказала она успокаивающе, нахмутив брови. "Нисколько. Я просто верю, что мы можем направить вашу огромную творческую энергию на менее разрушительные цели. Я имею в виду, что мы можем найти способ для вас выразить себя, не прибегая к убийству людей.

Прибегаешь?

Слепая ярость переполняла его, и вид ее был омыт кроваво-красным цветом. Глупая маленькая дуручка с ее манией величия-все эти разговоры о том, как она его понимает, а потом так откровенно разоблачает, что она просто ... - Не получилось. IT. Он почти не чувствовал, как скрипит его челюсть, или видел, как она корчится от внезапного дискомфорта под его пронизывающим взглядом. Он был слишком занят тем, что представлял себе, как голыми руками вырывает ей горло, заглушая этот наполненный гелием голос раз и навсегда.

-Ты делаешь мне больно.- Она взвизгнула, испуганно глядя на него круглыми глазами, и он понял, что крепко сжимает ее руки, и резко стряхнул с себя гнев, рассеяв его шутливым смешком.

-Мне очень жаль, Харли ... дорогой.- Сказал он успокаивающе, когда она испуганно посмотрела на него. -Просто я так непривычна к тому, что кто – то проявляет ко мне настоящий интерес-действительно хочет помочь.- Он слегка отвернулся от нее, застенчиво глядя на нее из-под опущенных ресниц. - Это оказывает на меня такое глубокое воздействие. Ты же знаешь, какой я чувствительный. Я едва знаю, как с этим справиться."

Ее плечи опустились от облегчения, и она снова улыбнулась.

-Я знаю, насколько радикальным все это должно казаться.- Сказала она нежно, и он подавил фырканье. - Особенно когда вы разработали способы, специально помогающие вам справиться с миром, его шквалом информации и стимулов, его безразличием и жестокостью. И в последнее время я много читаю о нигилизме.- Тогда он почувствовал легкую боль в груди, что-то неузнаваемое, но дикое. Как же она была мила и как старалась изо всех сил. Как же сильно он ожидал ее гибели. - И я нахожу это очень интересным. Я вижу большую заслугу в этих теориях и верованиях. Как ты уже однажды говорил мне, наши представления о морали сильно изменились за последние сто лет. Это заставило меня задуматься. И я знаю, что ты пытаешься показать это всему миру, - она обратила на него сострадательный и тревожный взгляд, умоляя вместе с ним понять ее теперь. -Я знаю, что это великое видение стоит за тем, что ты делаешь. Но убивать людей ... это просто ... - она сделала паузу, чтобы тщательно обдумать свои слова, ее глаза метались по комнате, а руки все еще сжимали его руки. Повинуясь внезапной прихоти, он провел большим пальцем по дорожке одного из них, и она сильно задрожала и повернула к нему слегка остекленевший взгляд. - ... просто это неправильно. И это делает его таким, что люди не могут смотреть мимо него."

Он вдруг заподозрил, что она говорит сама себе в колечки в голове, не зная даже, во что же на самом деле верит. Он немного выпрямился и внимательно посмотрел на нее сквозь полуприкрытые веки.

-Если они не могут смотреть дальше этого, то вот ты здесь. Дело не в том, что вам нужно измениться, а просто в том, что некоторые из ваших поступков должны быть изменены. Я понимаю, чего вы пытаетесь достичь, как вы пытаетесь просветить мир, и я решительно поддерживаю вас в этом. И единственный способ, которым это может быть сделано, - это если вы получите внимание, сострадание и признательность, которые вы заслуживаете за свой блеск. Если ты получишь ту любовь, которая тебе нужна. Так вот что мы будем делать. Исправьте систему и верните вам ваши права.- Она закончила торжествующе и изумленно моргнула. На ее лице появилась легкомысленная улыбка, когда она мысленно повторила свои слова, бросив взгляд в сторону, прежде чем удовлетворенно кивнуть. "Да.- Тихо добавила она.

Ему нравилась ее логика. Он был полностью искривлен и разрознен, не имел никакого смысла вообще и был полностью перекошен. Может быть, у ребенка все-таки есть какие-то надежды. Он тихонько хихикнул, и этот звук заставил ее снова поднять на него взгляд, заставил покраснеть ее щеки, и он наклонил к ней голову, прижался лбом к ее лбу и наслаждался тем головокружительным блаженством, которое затуманило ее черты.

- Ты единственный, кто понимает, Харли.- Прошептал он. - Только ты."

Она ничего не ответила, просто смотрела на него в немом изумлении.

Она действительно ничего не понимала. Она действительно не понимала этого. Но она пыталась, и это каким-то образом делало ее еще более замечательной. Это было похоже на то, как он сказал ей, что она должна быть рада, что отец бросил ее. Она пыталась им быть, но у

нее ничего не получалось. Она все еще остро помнила его отсутствие, и в сочетании с внезапной девичьей мелодичностью ее голоса и детскими надутыми губами ему не потребовалось много времени, чтобы понять, что ей нужно.

-Ты и я, мы вели такую похожую жизнь."

Он с трудом удержался, чтобы не закатить глаза, когда она перевела разговор на себя. Она была такой нуждающейся и хотела так много внимания.

-Тебя же никто никогда не слушал. Это был ключевой элемент, отсутствующий в вашем лечении. В нем не было ни души, ни сердца. Они просто изучали тебя, как лабораторную крысу. - Она яростно выплюнула последние два слова. - У меня самой была такая же проблема. Никто никогда не хотел меня слушать."

Его мысли блуждали далеко, конечно, не в одном направлении, а по множеству разделенных путей. Он поймал себя на том, что размышляет о том, что именно сейчас задумал его дорогой Бэтмэн. Он готов был поспорить, что Бэтмен следил за своим нынешним психоаналитиком. Он надеялся, что Харли не выдаст слишком много за пределы их маленькой комнаты. Не то чтобы он не хотел, чтобы Батси в конце концов узнал об этом, но если он сейчас поднимет эту тему, то испортит всю игру. Он также думал о пыльных расщелинах Луны, старом немом комедийном фильме, который он поймал концом однажды ночью в бегах в десятидолларовом ночном мотеле, окровавленном, раздавленном лице маленького ребенка, с которым он однажды играл, блестящей новой химической смеси, которую он изобрел за несколько беспокойных ночей в сутолоке, что он не мог дождаться, чтобы попробовать, что Mr. В следующий раз, когда он вернется на работу, киттлмайер приготовит для него целый набор прекрасных новых костюмов-биоинженерную задачу, которую он уже некоторое время тщательно обдумывал, - этан и Росс играли в карты на улице, а доктор Бартоломью, проходя мимо, поспешно сдавал карты, и неважно, была ли погода на островах Пасхи приятной в это время года. Он был бы не прочь немного погреться на солнышке.

Несмотря на все это, он не сводил глаз с Харли, ее высокие слова и тонкие движения просачивались как будто издалека. Он знал, что хранит эту информацию и может вернуться к ней позже. Она надувала губы, глаза ее были влажны, и он знал, что она снова выплескивает свои горести - и действительно, у нее накопился длинный список этих горестей. Он моргнул и снова сосредоточился на ней.

Она говорила о профессоре, который был особенно строг к ней. -Он никогда не слушал, - пожаловалась она. -Ему всегда было все равно. Он никогда не переставал даже думать о том, как тяжело мне пришлось. Он накричал на меня перед всем классом за то, что я не прочитала какую-то глупую главу, даже когда я сказала ему, что должна была работать прошлой ночью. Он сказал, что я должен был просто прочитать его раньше!- Ее лицо задрожало при воспоминании о пережитом унижении, и он быстро подхватил ее рукой под бедро и посадил к себе на колени. Она едва ли это заметила, просто опустила голову ему на плечо и шмыгнула носом.

- Этот плохой старый пвофессор всегда был для меня такой большой вредной!- Она надулась

детским голоском, и совершенно неожиданно у него встал.

Он был на мгновение поражен этим, этой гротескной физической реакцией на своего придурковатого маленького доктора, но затем он внутренне усмехнулся. О Боже, неужели он ее уничтожает? С такой скоростью она превратится в овощ к тому времени, как он закончит.

Она заметила это и села прямо, немного неловко ерзая. Но она не слезла с его колен.

Конечно, ее тянуло к нему. Так оно и было, почти с самого начала, хотя она, вероятно, и не осознавала этого. Но теперь это было так. И куда это их приведет, подумал он.

Естественно, когда она перестала плакать, он заставил ее снова рассмеяться и увидел, какое это было облегчение. Он представил себе чудесный крен - великолепное облегчение, которое она, должно быть, чувствовала через свои давно сдерживаемые слезы, так великолепно сдерживаемые смехом, хихиканьем и улыбками, держащими ее ноющие бока. Это было бы все равно что напиться, опьянеть каким-нибудь амброзиевым напитком. Или найти Нирвану.

Это было также невероятно мило, замечая новые туфли и мягкую прическу, яркую помаду и то, как она сидела там и мечтательно смотрела на него, пока он говорил с ней.

А как он говорил!

- Я вижу мир, полный улыбок, Харли!- Выдохнул он, встав в комнате и широко раскинув руки. - Все время вокруг, вверх и вниз! Это все, что я хочу видеть, милый Харли! Красивые, улыбающиеся лица. Что еще этот несчастный мир стоит больше? Это единственная вещь, которая чего-то стоит.- Он повернулся к ней, разжимая пальцы в жесте наполовину манящем, наполовину убеждающем. - Подумай о радости, которую ты испытываешь, когда находишься прямо в середине хорошего живот смеха. Сплошная пьянящая эйфория, как бы тебе хотелось, чтобы это никогда не кончалось. Ну, представьте себе, что вы всегда чувствуете эту радость! Вот что я чувствую, Харли - и именно так я хочу, чтобы чувствовал весь мир! Застыв в вечном веселье. Всегда и во веки веков."

-Это так красиво.- Сказала она, ее глаза наполнились слезами, и он тихо рассмеялся.

-Я провидец, что тут скажешь!- Он самодовольно ухмыльнулся, выставив вперед бедра и вскинув голову, заметив, как она слегка пошевелилась, а в ее глазах появился трепет. -Мне снятся такие сны, Харли. Мир был бы бессилён остановить меня, если бы не Бэтмэн."

- Он не остановит тебя навсегда, миста Джей."

Он усмехнулся про себя. Но в этом - то все и дело-Бэтмен всегда его останавливал. Бедный маленький Харли просто не мог этого понять. Он и Бэтмэн были Богами среди людей, более реальными и чистыми, чем все, что мог придумать ее слабый маленький ум. - Он взглянул на

нее. И все же, она сделала это чертовски лучше, чем большинство других. И на нее тоже было неплохо смотреть. И она начала называть его "Мистер Джей", хотя он никак не мог понять, откуда это взялось. Но это было мило. Было в этом что-то особенное.

- Бэтмэн пытается остановить меня, потому что это то, что он должен сделать, - напомнил он ей. - Он и есть то отчаяние, которое поглощает мой бред. Мне так грустно, Харли. Я стараюсь, правда стараюсь. Я пытаюсь заставить его улыбнуться. Попробуйте заставить его увидеть абсурд, который есть жизнь. Но он отказывается. Он просто отказывается! - И он топнул ногой, прижав кулаки к боку. - А почему он отказывается? - Воскликнул он. - Почему он не может понять, какая глупая трата энергии-его слабая борьба, и просто сдаться! Поддайся безумию! - Харли? - Его голос превратился в крик, а затем в тихую мольбу, когда он произнес ее имя и повернулся к ней. Как могла такая глупая маленькая штучка ответить ему? И все же он наполовину ожидал этого от нее.

Она смотрела на него с восхищением и тихим обожанием. -Ты просто должна продолжать пытаться.- Тихо сказала она, и он рассмеялся. Откинув голову назад, он взревел. Благослови господь его душу, она дала ему ответ! И очень хороший!

Он протянул к ней руки, и она взяла их, а он поднял ее и закружил, насколько позволяли цепи вокруг его лодыжек. Она засмеялась, задохнулась, и он прижал ее к себе, наслаждаясь тем, как ее глаза расширились и она задрожала, какой мягкой она была, вся изогнутая и теплая.

-Ты мне доверяешь, Харли?- Он глубоко вздохнул ей в лицо, и она, округлив глаза, молча кивнула.

Он сунул руку в карман ее пальто, достал тревожную кнопку и вложил ее ей в руку, приподняв другую, чтобы нежно убрать прядь волос с ее лба. - Она вздрогнула. Затем он мягко, нежно опустил ее на диван и оседлал, глядя в ее глаза; глаза, которые были достаточно умны, чтобы испугаться, но не достаточно умны, чтобы убежать.

Ее шея была мягкой как шелк под его руками, и она уперлась бедрами ему в пах, когда он выталкивал воздух из ее легких, не давая больше проникнуть внутрь. Ее кожа становилась все горячее под его прикосновениями, казалось, что она проникает сквозь его поры, соединяя их через плоть. Он снова встал, наслаждаясь тем, как она извивалась и задыхалась, царапала когтями горло, задыхалась, но не нажимала на тревожную кнопку. Это было великолепно.

А потом это случилось.

Она перестала сопротивляться. Она опустила руки и прижала их к его бедрам. Он почувствовал, как ее тело расслабилось под ним, когда она отдалась его воле. Она смотрела на него с блаженным выражением, и в ее детских голубых глазах светилась не что иное, как любовь.

Это сводило его с ума.

Заставило его разум завывать, голод свернулся клубком в глубине живота, ярость пузырилась в груди, как лава.

Он хотел ее. В некотором роде. Он не был в этом уверен. Но он хотел ее.

Он отпустил ее горло, и она задохнулась и закашлялась, ее грудь вздымалась вверх. Он успокоил ее, поднял руку к ее лбу и откинул назад волосы, поглаживая ее щеки, мягко напевая ей, пока она бормотала и лежала там, выглядя эйфорически.

Это было почти лучше, чем чувствовать, как ее жизнь медленно угасает, этот взгляд экстаза. Теперь, больше чем когда-либо, он знал, что она принадлежит ему. Один за другим она постепенно выключала свет разума и здравого смысла, нормальности и закона, пока не осталось ничего, что освещало бы ее мир, кроме него, и ей некуда было идти, кроме как следовать за ним.

Он скользнул рукой ей за шею, обхватил затылок и слегка приподнял его с дивана. Ее волосы были сухим шелком на кончиках его пальцев, вес ее головы перекачивался в его ладони. Она была совершенно неподвижна, когда он навис над ней, казалась парализованной, все еще приходящей в себя после удушения – или просто слишком увлеченной. Он льстил себе мыслью, что это в равной мере относится и к тому, и к другому. Она резко выдохнула, и на ее лице отразилась недоверчивая надежда, когда он обнял ее, глядя на нее сверху вниз с закрытыми глазами.

Он наклонился к ней, и она ахнула, сильно задрожала и, подняв подбородок, наклонилась к его губам.

Он прижался губами к ее лбу и задержал их там на долгое, медленное мгновение.

<http://tl.rulate.ru/book/30508/654514>